

ДИАНА КАН

...С ТЬМОЮ СМЕРТНЫЙ БОЙ

* * *

Песню и плач переплавили и перепутали
(знамо, на Волге на то отродясь мастаки!),
девка, идущая замуж,
метель в неприкаянной удали,
певчие в храме,
бредущие вдаль бурлаки.

Вкруг аналой обходя даже об руку с милыми,
плачем заране — опять в русском небе ни зги.
Русская воля закатными писана вилами
по жигулёвской стремнине в районе Самарской Луки.

У атамана Барбоши спрости, сколь сладка она, волюшка?
Лишь усмехнётся печально в ответ гулевой атаман.
Свистнет в три пальца, буй-ветром закатится в полюшко
и поминай, яко звали...
Ан, явится снова незван!

Заревом вспыхнет опять гость желанный-непрощеный.
Что бы податься за Камень за волюшкой горькой? Так нет!

КАН Диана Елисеевна родилась в 1964 году. Окончила МГУ им. Ломоносова и Высшие литературные курсы. Автор книг "Подданная русских захолустий", "Междуречье", "Високосная весна", "Согдиана", "Бактрийский горизонт", а также автор многих публикаций в московских и региональных изданиях России. Член Союза писателей России. Живёт в г. Новокуйбышевске Самарской области

Кровью исходит рассвет над Поляной Барбошиной.
Заревом-кровью исходит над нею рассвет.

...Волга родная, какого ни попадя аспида
встарь прибывало волною к высоким твоим берегам.
Вверх до Валдая да вниз до могучего Каспия
песни об этом поются — аж слёзы текут по щекам.

* * *

То полбеда — мигранты на базарах
нам нашу же картошку продают.
А то беда, когда в Кремле хазары
законы людоедские куют.

То полбеда — угрюмые шахиды.
Ведь с их угроз наш дух велик возрос.
А то беда — елейные хасиды,
Россию распродавшие вразнос.

Но паче бед, отчаяний всех паче —
мы сами, современники мои,
с чьего согласия — и никак иначе! —
Россия тонет в собственной крови.

* * *

Скоро выпадет снег, и смиришься: надеяться нечего
на посулы тепла от лукавой поры золотой.
Станешь споро метать из печи духовитое печиво...
Разве ж было такое возможно холодной голодной весной?

Нет, не зря подъедушкой и побирушкой
величали хозяйки весну, заглянув по весне в хлебный ларь.
Угощая детей по сусекам сметённой ватрушкой.
Обратясь к караваю: “Поклон тебе, хлебушко-царь!”

Без поклона не вынешь его из печи,
без молитвы опара не строится,
без знаменья крестного в горло не лезет кусок...
До чего хороши калачи и ватрушки на Троицу —
ешь от пуза, да только потом затяни поясок.

Затяни поясок — ну не всё ж тебе времечко сытое!
Щедрый лишь на советы, нагрянет бесхлебный июнь:
“Нет ли жита, в амбаре случайно забытого?
Загляни-ка в амбар, в закрома опустелые дунь...”

И опять недосуг посидеть-погрустить у оконышка.
И опять — двадцать пять! — в услуженье у хлеба ходить.
По амбарам его соскребать до последнего зёрнышка,
делать хлебу помин, чтоб с почётом его проводить.

А потом недосуг любоваться цветущей пшеницею.
Вновь пора засучать рукава, словно пращуров встарь...
Золотая пора хлебороба поющею жницею,
пот смахнувши со лба, возглашает:
“Хвала тебе, хлеб-государь!”

Он, неспешно царь-колосом во поле вызревший в золото,
был с земными поклонами собран в царь-сноп, что тяжёл.
Положённый в семейный загром и на мельнице смолотый,
водружался на стол, превращая последний — в престол.

* * *

О, Русь моя! Уже который год
окутана предательским туманом —
прицельный взгляд из-под бровей врзлёт, —
ты ждёшь засадный полк на поле бранном.

Пурпуром царственным горит твоя заря,
всё предвещая — беды и победы.
От Калина до Сталина-царя
безбытностью была твоя безбедность.

Не меч, не щит, не сабля, не топор,
не ось тележная пугают свору бесью —
её страшит твой скорбно синий взор,
молитвенно пристывший к поднебесью.

Казалось бы, мелькнул и снова нет
(в свинцовых тучах безвозвратно скрылся),
но страшен бесам неотмирный свет,
что на тебя хоть каплею пролился.

О, Русь, ты заслужила этот миг,
оплаченный веками слёз и горя!..
С тобою Михаил Архистратиг,
Илья-пророк, Георгий Змееборец...

Омыта светом, станешь вновь собой.
И луч, как меч, разгонит бесов ада..
И не проигран с тьмою смертный бой,
пока с тобой небесный полк засадный.